«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах

Автор:
Эдуард Веркин

«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах

Эдуард Николаевич Веркин

Настоящие приключения. Повести для подростков Эдуарда ВеркинаПриключения Витьки и Генки

Витька – мечтатель и генератор идей, Генка – мастер на все руки. Так что если они дружно взялись за дело, то справятся со всем!

Витька и Генка жаждут победить в мотогонках. Но у них нет мотоцикла… Не проблема! Можно купить старый сломанный мотоцикл и восстановить его своими руками. Правда, на этом пути их ждёт множество невероятных приключений…

Эдуард Веркин

«Пчела-убийца». Гонки на мотоциклах

© Веркин Э., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Жмуркин пришёл

Витька подышал на палец, приложил к стеклу. Поглядел в проплавленный во льду кругляк, вздохнул и сказал:

– Говорят, даже в Африке снег выпал.

Генка промолчал.

– И в Японии… Почти всё Хоккайдо завалило, самураи снеговиков лепят…

Генка промолчал снова.

– У нас тоже… – Витька поглядел в окно. – Снегопад… Говорят, что эта зима – самая снежная за последние сто лет. Некоторые города на севере вообще занесло… А говорят – глобальное потепление.

– Это и есть потепление. – Генка поглядел на крестовую отвёртку. – Просто его обратная сторона. Где-то потепление, где-то похолодание… У нас похолодание.

Генка поплевал на отвёртку и принялся разбирать старый телевизор.

– А если всё снегом засыплет? – спросил Витька. – Как жить тогда будем?

– Нормально, – ответил Генка – Нормально будем жить. Как в Японии. Снеговиков будем лепить…

Дверь пинком отворилась, и в гараж ввалился Жмуркин. В клубах пара и в поганом настроении – Жмуркин всегда пребывал в поганом настроении.

– Снеговиков собираетесь лепить?! – осведомился он. – Ну-ну. Лучше бы себе слепили немного мозга…

– Жмуркин… – поморщился Витька. – Это ты… А я слышал, что ты вроде как отравился… Заворот кишок, метеоризм…

– Спешу тебя разочаровать, я не отравился. И нет у меня никакого метеоризма, это у вас метеоризм! И в кишках, и в мозгах! Вы оба метеористы!

– Жмуркин, прилипни вчера, а? – попросил Генка.

– Сам вчера прилипни, – огрызнулся Жмуркин. – Вчера вам как раз подходит – вы оба – реликты…

Жмуркин замолчал и подозрительно уставился на Генку. Спросил:

– Зачем телик курочишь? Опять какую-то гадость придумал?

– Хочу на «Пчелу» турбонаддув поставить. Мощность на тридцать процентов возрастёт…

– Лучше бы у вас мозговая активность возросла! Сколько можно возиться с этой рухлядью? Пора её давно уже в утиль! Купите себе по скутеру, будьте счастливы!

Генка отвернулся.

– Где она? – Жмуркин оглядел гараж. – Где эта развалюха?

Это он так спросил, в гадком жмуркинском стиле – мотоцикл стоял на самом виду, поблёскивал никелем, не заметить его было нельзя.

– Так-так, – промурлыкал Жмуркин, – вижу. Вижу этот металлолом…

– Не надо так говорить, – посоветовал Генка. – Техника не любит, когда её ругают.

– Техника не любит, когда её ругают! – дребезжащим голосом передразнил Жмуркин. – Не занимайтесь мракобесием! Не культивируйте идиотизм, с меня

сегодня идиотизма хватит!

– В зеркало себя увидел случайно? – поинтересовался Витька.

Жмуркин скорчил в сторону Витьки поганую рожу.

– В фотомагазин сходил, – сообщил он. – А там придурки. Я им говорю, у вас есть кэноновский фикс-полтос, но только на один-четыре, а не на один-восемь, а они смотрят на меня как баран на новый «Шевроле». Ну вот как ты, Витька. Примерно. Ну я им в жалобную книгу целую страницу вписал. Скандал, короче. Ну и потом ещё тоже… А потом прихожу к вам, отдохнуть хочу душой и сразу вижу, как Генка каким-то маразмом занимается… Турбонаддув! В башку себе турбонаддув вставь!

Это Жмуркин уже почти крикнул.

Генка и Витька промолчали.

– Сидите, маетесь дурью… – Жмуркин хотел даже плюнуть, но в помещении плевать постеснялся.

– А что делать-то? – спросил Витька.

– Что делать?! – Жмуркин свирепо шагнул к мотоциклу. – Сейчас я покажу, что надо делать! Сейчас я…

Жмуркин запнулся, взмахнул руками и упал на мотоцикл. Вернее, на руль мотоцикла.

Вскрикнул, поднялся, обернулся.

По щеке, от глаза к нижней челюсти, стремительно наливался фонарь.

– Я же тебя предупреждал, – сказал Генка. – Они не любят…

И Генка с Витькой с удовольствием рассмеялись. Жмуркин поглядел в зеркало на стене.

– Ну всё, – в голосе Жмуркина проскочило бешенство, – это последняя капля…

Жмуркин огляделся, увидел блестящую кувалду на стене, с трудом взял её в руки и двинулся к мотоциклу.

Витька вздохнул грустно.

Генка тоже вздохнул. Предупреждающе. Очень предупреждающе. Жмуркин прошёл мимо мотоцикла, приблизился к наковальне и принялся бешено лупить по ней кувалдой. Получалось звонко. При каждом ударе барабанные перепонки у Генки болезненно вздрагивали.

Жмуркин ковал.

Витька хотел уже было сказать Жмуркину что-нибудь глупое, но тут Жмуркин выдохся и отбросил кувалду в сторону.

– Развели тут… бардак… – просипел Жмуркин.

После чего принялся ругаться уже систематически. Он скрипел и бухтел, ругался злобно и иронично, бродил по гаражу, пинал канистры, снова ругался, проклинал Генкин изобретательский гений, Витькину мечтательность, врунов из Гидрометцентра, старую железную рухлядь и баранов из фотомагазина, которые не могут отличить экспокоррекцию от автоэкспозиции…

Генка задумчиво разглядывал телевизионные внутренности.

Витька глядел в окно с морозными зигзагами и вспоминал, как всё начиналось.

Глава 1

ГЗМ не желаете?

Гони жвачку! – сказал Витька. – «Кава»[1 - «Кава» – «Кавасаки» – здесь: марка японского мотоцикла.] второй пришла.

Генка вздохнул и полез в карман за жвачкой.

– Не, – Витька усмехнулся. – Ты мне не эту фруктозу давай, а настоящий минт. И не батоны эти каменные, а чтобы в пластинках. Чтобы всё по-честному, как в Пенсильвании.

– Нет у меня нормальной, – вздохнул Генка. – Только такая есть.

– Тогда беги, – Витька кивнул в сторону киоска. – Двигай поршнями.

Генка вздохнул и побежал к киоску.

Витька устроился поудобнее и стал смотреть в бинокль.

Впрочем, больше ничего интересного не происходило. Соревнования закончились. Грейдеры[2 - Грейдер – машина для разравнивания и перемещения грунта при ремонте дорог.] убирали трассу, приводили её в порядок для завтрашней гонки. Забрызганные грязью пилоты отдыхали, общались друг с другом и с прессой, позировали фотографам на фоне мотоциклов, смеялись. Механики с серьёзными злыми лицами загружали машины в трейлеры, вокруг них суетились мальчишки, старались подержаться за руль, потрогать бак, а если повезёт, то за сцепление дёрнуть…

Витька отыскал среди мальчишек Хаванова и показал ему издали кулак. Потом быстро огляделся. Никто не видел. Никто Хавану не расскажет. Витька надеялся, что не расскажет…

Он осторожно пощупал языком зуб на нижней челюсти. Зуб шатался. Это все Хаван… С Хаваном шутки плохи.

– У, Хаван, – прошептал Витька, – смотри! Получишь своё ещё…

Хаванов стоял рядом с победителем и подобострастно чистил победительский шлем. Дышал на него и быстро протирал специальной бархоткой.

– Лизоблюд! – прошипел Витька. – Лизоблюд зелёный!

Хаванов Витькиного шёпота, конечно же, не слышал и вовсю продолжал драить победную каску. Усердно, высунув язык. И тут вдруг произошло совершенно невероятное – гонщик потрепал Хаванова по голове и разрешил посидеть на своём мотоцикле!

У Витьки аж дыхание перехватило от такой вселенской несправедливости. Хаван сидел на «Ямахе»![3 - «Ямаха» – марка японского мотоцикла.] Да ещё и за газ держался! Да ещё за сцепление держался! Да ещё и щёки раздувал, изображая рёв мотора! А ему, Витьке, за всю жизнь посчастливилось лишь рядом постоять. Да и то давно. Да и то не с «Ямахой», а с каким-то стареньким «КТМ»[4 - «КТМ» – марка австрийского мотоцикла.]. Хотя Витька и не очень разбирался в технике и с трудом мог отличить коленчатый вал от какого-нибудь шатуна, но мотогонки он любил.

Ему нравилось наблюдать за срывающимися с места машинами, нравился запах бензина, нравились азарт соревнований, рык моторов, вопли с трибун… И вообще – атмосфера праздника, сопровождавшая каждую гоночную субботу, очень нравилась. Витьку интересовала, так сказать, внешняя сторона соревнований, а к технике у него никаких способностей не было. К тому же у Витьки не было и необходимости знать все эти технические штуковины – если что, он мог всегда узнать интересующую информацию у технически подкованного Генки. А Генка, когда-то почти три года занимавшийся в секции мотокросса, мог ответить на любой вопрос об устройстве мопеда, мотоцикла или даже автомобиля.

Витька скрипнул зубами, оторвался от бинокля и стал в злобе ковырять землю носком ботинка. Ковырял и ковырял. Когда прибежал Генка, Витька уже целую яму проковырял, чуть ли не по колено. Ботинок перепачкал, а с утра он его, между прочим, начистил что надо, до блеска.

– Чего это ты? – Генка указал на яму.

– А ты сам посмотри. – И Витька протянул Генке бинокль.

Генка приложил окуляры к глазам и сразу же отдёрнул, как ожёгся. Он ничего не сказал, но Витька заметил, что нос у Генки сморщился. Это означало, что Генка злится. Сильно злится. Витька-то прекрасно знал, что посидеть на настоящей боевой кроссовой «Ямахе» – самая заветная, самая радужная Генкина мечта. А уж о том, чтобы на «Ямахе» прокатиться, и говорить нечего! Это только в самом волшебном сне… только… Да нет, таких «только» и не бывает.

– Жёвку возьми. – Генка протянул серебристую упаковку.

Жвачки уже не хотелось, и Витька спрятал её в карман, на будущее.

– Да уж… – протянул Генка, глядя на трассу.

Там, внизу, под трибунами, началось награждение. Победители забирались на пьедестал. Девушки дарили им цветы, журналисты ослепляли вспышками, судья для торжественности размахивал клетчатым чёрно-белым флагом. Потом пилоту «Ямахи» дали большущую бутылку шампанского, он её взболтал и принялся поливать всех направо и налево. А Хаван стоял справа и держал начищенный до блеска шлем. Вид у него был гордый и счастливый.

Тоже мне, оруженосец, подумал Витька, Санчо Панча выискался скудоумный…

И по инерции огляделся – не слышал ли кто? С Хаваном ведь шутки плохи.

После того как шампанское кончилось, после того как устроители соревнований пожали руки всем призёрам, после того как пилоту вручили ключи от главного приза – новенькой белой «десятки», на пьедестал залез человек в судейском костюме. Он прокашлялся и сказал в микрофон:

– Мы поздравляем участников и зрителей с завершением очередного этапа первенства России по кроссовым гонкам! Надеемся, что и в следующем году наша трасса вновь примет очередной этап соревнований. И надеемся, что наши спортсмены снова займут места на пьедестале почёта. Ведь администрация нашей области уделяет особое внимание развитию физкультуры и спорта! Причём не только взрослого, но и юношеского. Так, в прошлом году наши юные

спортсмены заняли почётное второе место на зональных соревнованиях…

– Ага, как же, – скептически сказал Генка. – Знаю я, как они заняли! Папаня Хавана просто с судьей в одном институте учился! Вот Хаван и занял…

– Погоди ты! – перебил Витька. – Послушай, что говорят!

– …И в целях дальнейшего развития этого вида спорта и привлечения к нему подрастающего поколения глава администрации нашей области объявляет о начале подготовки к открытым соревнованиям по мотокроссу среди подростков от десяти до четырнадцати лет. Состязания пройдут в классе мотоциклов до пятидесяти кубических сантиметров. Соревнования состоятся через месяц – в конце августа, перед началом занятий в школах. Так что у наших юных спортсменов будет хороший шанс подготовиться! Принять участие может любой, у кого имеется в наличии мотоцикл или мопед…

– Это все не про нас… – сказал Генка.

– А теперь самое главное! – объявил судья. – Победитель получит право представлять нашу область на зональных соревнованиях по мотокроссу. Более того – победителю будет вручён ценный приз, любезно предоставленный спонсором соревнований – сетью супермаркетов «Континент». Призом станет новенький японский мопед «Хонда»[5 - «Хонда» – марка японского мотоцикла.].

– Р-р-р! – Генка стукнул кулаком по земле.

– Повторяю: принять участие в соревнованиях могут все желающие! Заявки должны быть предоставлены за неделю до начала состязаний. Надеемся…

– Р-р-р! – Генка стукнул кулаком ещё раз.

– Не расстраивайся, – утешил его Витька. – «Хонда» наверняка поюзанная… Жвачку хочешь?

Генка жвачки не хотел.

– Слушай, давай пойдём на гонку и будем Хавану в глаза солнечные зайчики пускать! – предложил Витька. – Он со своей тачки и навернётся…

Генка посмотрел на Витьку весьма выразительно, так как не одобрял подобных уловок и вообще всякой неспортивности.

– Как скажешь, – Витька пожал плечами.

– Я бы Хавана и так сделал, – сказал грустно Генка. – Он плохо водит. По-девчачьи. Когда мы на секцию ходили, я его всегда обходил… И сейчас я бы его сделал…

– У Хавана тачка классная. – Витька спрятал бинокль в футляр. – А у нас и вообще тачки нет.

– Мне бы мотоцикл… – продолжал мечтать Генка.

– Могу предложить тебе ГЗМ, – сказал Витька. – У меня дома как раз одна завалялась…

– Что такое ГЗМ? – спросил Генка.

– Губозакаточная машинка.

– Понятно. Угости жёвкой, что ли…

Генка пожевал в задумчивости жвачку, выдул большой печальный пузырь. Пузырь лопнул и залепил Генке всё лицо.

– Не печалься, – Витька толкнул друга в плечо. – Пойдём лучше на крышу.

– Зачем?

– Просто. Змея позапускаем. Мне папка «пустельгу» вчера подарил.

– «Пустельга» так «пустельга», – Генка пожал плечами. – Зачем Хавану «Хонда»? Ему папахен и так всё купит…

– «Хонда» лишней не бывает, – глубокомысленно заметил Витька.

– Да уж…

Они взглянули последний раз на трассу, на маленькие издали мотоциклы и пошли запускать змея.

Глава 2

Чудес не бывает…

«Пустельга»[6 - Пустельга – степной сокол. Характерная особенность – умение зависать над целью и резко маневрировать. Здесь: воздушный змей, точно воспроизводящий поведение живой пустельги.] парила метрах в двадцати над крышей. Ныряла, била крыльями, закладывала виражи. Витька лежал на старой раскладушке и ловко управлял змеем, так что казалось даже, будто «пустельга» живая. Говорили, что если будешь управлять змеем достаточно искусно, то вполне можно приманить из неба настоящую, всамделишную пустельгу и устроить с ней драку. Витьке приманить настоящую пустельгу ещё ни разу не удалось.

Генка лежал на соседней раскладушке и рассматривал вырезки с мотоциклами из журналов. Вырезки Генка собирал уже два года. Их у него скопилось достаточно много, и предназначались они как раз для таких вот минут – минут грусти и печали. Генка уверял, что вырезки успокаивают его и заживляют рубцы, коими, по его утверждению, уже давно «испещрена вся его душа». Витька иногда поглядывал на друга, но вопросов не задавал и не приставал, полагая, что время – лучшее лекарство. Так всегда говорила Витькина мама. Особенно когда Витька являлся домой с фонарём или с другой какой неприятностью.

А с фонарём Витька являлся довольно-таки часто. Не потому, что он был задира или драчун, а потому, что отличался какой-то особой, какой-то нездоровой неудачливостью. С Витькой постоянно происходили всякие неприятности. Это были мелкие неприятности вроде неожиданных, буквально с чистого неба, голубиных безобразий. Или внезапного грузовика, влетающего во внезапную же лужу в тот самый миг, когда мимо неё проходит за хлебом Витька. Это были средние неприятности вроде уличения Витьки в списывании на экзамене по химии, в то время как Витька и не думал списывать. Это были даже крупные неприятности вроде поскальзывания в ванне и перелома ключицы, а посему пропуска по болезни целой четверти и лихорадочного последующего навёрстывания по всем предметам.

Эта неудачливость являлась фамильной Витькиной чертой, то есть неудачливостью страдал не только сам Витька, но его отец и даже дедушка. Если Витькин папа шёл на рыбалку, то обязательно подцеплял себя за палец блесной или падал в реку. А если уж на охоту пускался дедушка Витьки, то окрестные леса пустели – потому что дедушка в силу слабого зрения стрелял исключительно на звук. И однажды попал подобным образом в егеря, пробив ему голень и мясистые части этой голени выше. Вообще, когда дедушка Витьки служил в войсках Будённого, его называли Долговязая Смерть. Потому что один раз во время сабельной атаки дедушка свалился с коня и зашиб насмерть двух белых офицеров, за что и получил революционный бинокль из рук самого героического маршала. Витька пошёл в родственников. Когда на физкультуре приходила Витькина очередь метать гранату, одноклассники прятались за угол. Правда, биноклей за это не выдавали. Не везло Витьке с биноклями.

Да и с фонарями тоже не везло. Если случалась драка и Витька хотя бы просто проходил мимо – ему обязательно доставалось. Просто так, для порядка. А если Витькин класс бежал кросс, то Витька всегда умудрялся вывихнуть лодыжку или разбить палец. Одним словом, если где-то случалась неприятность, можно было быть уверенным, что эта неприятность случалась с Витькой. Даже внешность Витьки подходила под определение неудачника – Витька был высок и имел длинный нос, который так и просился влипать в скверные ситуации и застревать в дверных косяках, где его непременно прищемляли и покалечивали. Витька был белобрыс, что тоже было фамильной чертой, поскольку Витька происходил из семьи потомственных поволжских немцев, а немцы, как правило, белобрысы. Белобрысый, долговязый, неудачливый немец. Многие думают, что такие вот неудачники только в книжках случаются – так нет, это они в книжки из жизни перепрыгивают. Витька встречал, кстати, и других неудачников, не таких крутых, как он, но тоже неслабых. И все они были на него похожи. Наверное,

думал Витька, это ген такой – неудачливости. Если заскочит в какую семью – так и не выберется потом, сколько лбом о стену ни бейся. Только терпеть остаётся.

Генка, напротив, был удачлив. Всё, за что когда-либо брался Генка, он успешно доводил до победного конца. Он выигрывал во всех соревнованиях (кроме, конечно, олимпиад по математике, литературе, химии и другим школьным предметам). Он был лучшим велогонщиком школы, брал призы в соревнованиях по маунтбайку, конструировал модели самолётов с бензиновыми моторчиками, имел юношеский разряд по спортивному ориентированию. И вообще, Генка имел много талантов, особенно в спортивной и технической области. Правда, ни один из этих талантов Генка не развивал до конца, поскольку, достигнув первых результатов, одержав первую победу, сразу переключался на другое дело. Так, кстати, было и с секцией мотокросса – победив на городских соревнованиях, Генка секцию забросил, хотя сам вид спорта любить продолжал. И на соревнования они с Витькой ходили регулярно.

А ещё Генка был изобретателем. Изобретал он тоже всё: от мышеловок до очков с вентиляторами, от усиленных лазерных указок, способных прожигать бумагу, до противотараканной сигнализации. Однажды Генка даже сшил из старых парашютов дирижабль. Правда, испытать летательное средство не получилось – о готовящемся полёте разведал Генкин папаша и пустил дирижабль на чехлы для автомобиля.

Да, Генку, кстати, прозывали частенько Крокодайлом – в честь Крокодила Гены. Но на самого Крокодила Гену он похож не был. Крокодил Гена имел необычную внешность, а внешность Генки была самая заурядная. Если бы Генка встретил себя на улице, он себя бы не узнал, настолько Генка походил на тысячи своих сверстников. Пожалуй, единственной отличительной, даже замечательной чертой Генки являлись его руки. Руки у Генки были золотые. Генка мог починить практически любую сломанную вещь, даже не зная толком, как она работает. Эта особенность… Впрочем, сам Генка почему-то не очень любил рассказывать про эту свою особенность, предпочитая больше действовать, чем разговаривать.

И хотя Генка и Витька не были похожи, дружили они давно. Они вполне удачно дополняли друг друга – неумелый и неудачливый Витька и ловкий счастливчик Генка. Витька тормозил слишком бурную Генкину активность, а Генка сглаживал слишком подозрительную Витькину осторожность.

Вот и сейчас – Витька философски бороздил «пустельгой» в небе, а Генка рассматривал фотографии мотоциклов. Они лежали на крыше уже довольно долго – солнце дошло до антенны на соседней девятиэтажке, а это значило, что сейчас никак не меньше пяти часов. Но домой идти не хотелось. Да и чего дома делать, когда лето и каникулы?

– Вот и я говорю, – сказал Витька, нарушив молчание. – Зачем тебе «Хонда»? У тебя её угонят сразу…

– Не сыпь мне соль на сахар, – ответил Генка.

– Хотя… – Витька задумался, и змей вильнул вправо. – Хотя… «Хонда» – это, конечно, класс! Можно было бы на Волгу ездить, на рыбалку…

– Или в поход отправиться. По Золотому кольцу. От предков оторваться! Пожить по-человечески!

– Или…

– Всё мечтаете? – сказал кто-то. – Не надоело?

– Не надоело, – ответил Генка. – А тебе-то что, Жмуркин?

Что-то определённое о Жмуркине сказать было трудно. Например, Витька никогда не мог понять, что за тип этот Жмуркин. У Жмуркина не было никаких особенностей, которые, по мнению Витьки, заслуживали бы внимания. Хотя нет, одна особенность у Жмуркина имелась – Жмуркин всегда неожиданно появлялся.

– Тебе-то что, Жмуркин? – повторил Генка.

– Мне ничего. – Появившийся Жмуркин выбрал себе раскладушку и тоже на неё улёгся. – Мне ничего. Жалко просто вас, остолопов. Пора спуститься с небес… – и Жмуркин указал на бьющуюся на ветру «пустельгу», – на землю. – Теперь Жмуркин указал вниз, на улицу. – Пора бросить все эти бесполезные занятия, – сказал Жмуркин.

– А что же нам ещё делать? – спросил Генка.

– Делом надо заняться. Делом. Полезным чем-нибудь.

– Это машины, что ли, мыть? – спросил Витька.

– Необязательно, – возразил Жмуркин. – Берите пример с меня – работаю в киноиндустрии…

– Ага, – усмехнулся Генка. – Плёнки таскаешь с первого этажа на второй…

– Всё начинается с малого, – изрёк Жмуркин и завозился на раскладушке. – Зато скоро стану помощником механика. Кстати, могу оказать вам, оглоблям, протекцию.

«Пустельга» опасно завалилась на крыло.

– Ты устроишь нас в кинотеатр?! – не поверил Генка.

– Могу, – важно сказал Жмуркин. – У нас как раз два места освободилось. Между сеансами ряды убирать.

– Это шнырями, что ли? – покривился Витька.

– Не шнырями, а адвайзерами[7 - Адвайзер кинозала – дежурный у входа в кинозал.] кинозала, – поправил Жмуркин. – Надо различать.

Витька отпустил леску, и «пустельга» стала набирать высоту.

– Так там, наверное, нельзя во время сеанса находиться, – протянул Генка. – Кина и не увидишь…

– Зато деньги нормальные платят. Соглашайтесь.

Генка посмотрел на Витьку, Витька – на Генку. Витька сказал:

– Не, Жмуркин, ты в другом месте дурней поищи. Даже кино нельзя смотреть… Пусть медведь так работает, у него четыре лапы…

– Как хотите, – обиделся Жмуркин. – Я помочь хотел.

Все замолчали. Пауза затягивалась. Жмуркин повозился на раскладушке, а потом достал телефон. У Генки и Витьки отвисли челюсти. Потому что это был не простой телефон, это был новенький, блестящий и безумно красивый iPhone.

– Восьмигиговый? – негромко спросил Генка.

– Восьмигиговый… – презрительно зевнул Жмуркин. – С восьмигиговыми одни лошагеры в Пердяевке ходят, запомни на всю жизнь. Шестнадцать, дети мои, только шестнадцать.

Жмуркин надулся от важности и тут же сфотографировал растерянные лица своих приятелей.

– Вот так вот, – сказал с превосходством Жмуркин. – А вы всё в чудеса верите. А чудес не бывает.

– Они бывают, – сказал Генка. – Ещё как бывают.

– Не бывает, – уверил Жмуркин. – Бывают лишь…

Телефон в руке Жмуркина запел замысловатую мелодию.

– Алё? – сказал Жмуркин. – Ага. Нормально. Чего? Не, не нужен. Кому продать? Не знаю, кому продать. Кому старый мопед сейчас нужен… Да. У деда? Ладно, до свидания.

Жмуркин спрятал телефон в аккуратный кожаный чехольчик, затем в карман и снова с превосходством поглядел на Генку и Витьку. Но Витьку и Генку интересовал уже не телефон. Они смотрели на Жмуркина так внимательно, что он даже оглянулся, нет ли там чего-нибудь у него за спиной.

– У твоего деда есть мопед? – глухим голосом спросил Генка.

– Не у моего, – поправил Жмуркин. – У меня деда нет. У деда одного парня. Он не из нашей школы, с Северного. Вот его дед чего-то там продаёт.

– Так что, у того деда, ну у деда того парня, есть мопед?

– Не знаю, – ответил Жмуркин. – Говорит, что есть. Хотя раньше я никаких мопедов не видел…

– И он хочет его продать? – продолжал Генка.

– Нет-нет, – поправил со значением Витька. – Он хочет его НЕДОРОГО продать. Правда?

– Не знаю же! – Жмуркин выбрался из раскладушки. – Мне пора. У меня сеанс.

– Погоди-погоди! – Генка вскочил и перегородил Жмуркину дорогу. – Сначала проводи-ка нас до того дедушки!

– Нет уж, – Жмуркин попытался обойти Генку. – У меня времени нет. Да и вообще… Дед, говорят, так, «ку-ку» немножечко…

– Что значит «ку-ку»? – спросил Витька.

– Просто «ку-ку». Крыша у него поехала. – Жмуркин попытался обойти Генку с другой стороны. – Вы с ним сами говорите, я вам адрес дам.

– Давай, – сказал Генка.

– Красногвардейская, пять. Это на окраине. – Жмуркин наконец обогнул Генку и направился к лестнице.

– А ты говорил, чудес не бывает, – сказал ему вслед Генка.

Жмуркин, не оборачиваясь, махнул рукой.

Витька сматывал на катушку леску, «пустельга» опускалась вниз. Генка быстро ходил вокруг раскладушек, чесал голову и усиленно думал. Так продолжалось минут пять, потом Генка резко остановился и сказал:

– Надо идти к деду.

– Денег-то всё равно нет, – возразил Витька. – На что ты этот мопед купишь?

– Пойдём, Вить. Хоть посмотрим.

– Ну пойдём.

Витька спрятал «пустельгу» под мышку, и они пошли искать Красногвардейскую улицу, дом номер пять.

Глава 3

Мотоцикл Капитана

Красногвардейская улица обнаружилась не сразу. Друзья бродили по городским окраинам почти полтора часа, но с таким названием улицу найти им так и не удалось. Когда совсем стемнело, Витька сказал, что надо идти домой.

– А как же мопед? – испугался Генка. – А вдруг он его…

– Не продаст, – успокоил Витька. – До завтра точно не продаст. А по морде мы тут схлопочем. Тут территория деповских, лучше не вязаться.

Генка со злости пнул забор, но с Витькой согласился. Они обошли ещё пару улиц и отправились по домам, договорившись встретиться завтра с утра в сарае Генки.

Наутро Витька прибежал к Генкиному сараю первым, и, когда на место встречи явился сам Генка, Витька уже ждал его и успел нагрызть целую горку семечек.

– Жмуркин нам вчера нагнал, – сразу же сказал Витька. – Я вчера у папахена спросил, а он мне сказал, что никакой Красногвардейской в городе нет. Ее в Водную два года назад переименовали. Вот так. А Водная в той стороне.

Витька указал за видневшуюся вдали телемачту.

– Киношник чёртов! – ругнулся для порядка Генка, и они отправились искать улицу Водную.

Оказалось, что отыскать улицу Водную очень легко – она начиналась сразу за телемачтой и вообще была единственной улицей в том районе. И пятый дом тоже обнаружился без труда – здоровенный такой, из толстых белых брёвен. Генка предположил, что это секвойи, но Витька сказал, что секвойи у нас не растут.

– Они в Америке растут, – сказал Витька и дёрнул за шнурок звонка.

Залаяла собака. Ворота не открылись. Витька дёрнул ещё раз.

– Сейчас! – послышалось из глубины дома.

Друзья на всякий случай отошли от ворот, поскольку каждый помнил слова Жмуркина про то, что дед «ку-ку». Конечно, верить Жмуркину было нельзя, но лишняя предосторожность никогда не помешает.

Собака залаяла ближе, и хриплый голос за воротами сказал:

– Тише ты, Шайка, это не к тебе.

Щёлкнул замок, ворота раскрылись, и друзья увидели… Капитана. Сразу было видно, что это Капитан, именно Капитан – таких изображают в фильмах и рисуют на картинках. Старый. Седой. На плечах болтался белый капитанский китель, имелись также фуражка, бакенбарды и трубка. На левом плече в ткани белоснежного кителя виднелись шесть продольных полосок, и Витьке подумалось, что это, наверное, следы от когтей огромного белого попугая.

– Вам чего? – спросил Капитан.

Из-за ноги хозяина высунулась маленькая рыжая собачонка и тут же дружески завиляла хвостом.

– Вы мопед продаёте? – Генка сразу же приступил к делу.

– Допустим, – уклончиво ответил дед. – А вы что, покупаете?

Витька было толкнул Генку в бок, но Генка продолжил как ни в чём не бывало.

– Хотелось бы взглянуть.

– А мильрейсы-то у вас имеются? – улыбнулся Капитан.

– Чего? – Генка с Витькой переглянулись.

– Мильрейсы, – непонятно объяснил дед. – Тугрики, эскудо, песеты, тетрадрахмы, чатлы…

– Деньги, что ли? – догадался Витька.

– Они, родимые, – снова улыбнулся дед.

– Вестимо, – ответил Генка. – Что мы, дети, что ли?

Витька ткнул его в бок ещё раз, но Генка уже не мог остановиться.

– Мы вполне пла-тё-же-спо-соб-ны, – проговорил Генка. – Но для начала мы хотели бы взглянуть на товар.

Витька хмыкнул – Генка вёл себя точно как герой вчерашнего фильма про торговцев оружием. Они тоже всегда сначала спрашивали про товар.

– Товар первоклассный, – принял условия игры Капитан. – Прошу, милостивые государи!

Он распахнул ворота и пропустил ребят внутрь.

– Ого! – восхитился Генка. – Здорово у вас тут!

Двор представлял собой один большой парник – сверху стеклянные рамы, а внизу сад. Даже сливы. Даже мандарины.

– Жарко, как в Гондурасе, – сказал Генка.

Старик сорвал с дерева два мандарина и угостил Генку с Витькой. Мандарины были незрелые, но сочные, ребятам понравились. Генка подумал, что дед хоть и «ку-ку», а фрукты выращивает что надо.

– Сейчас я ананасами занялся, – сообщил хозяин. – А вас прошу сюда.

И провёл ребят к небольшой пристройке в конце парника.

– Он там. – Дед открыл дверь и включил свет.

Ребята вошли в пристройку и увидели мотоцикл.

– Ну и рухлядь! – не удержался Витька. – Да ему, наверное, лет сто!

– Тридцать шесть, – уточнил хозяин. – Но он в прекрасной форме.

– Ага, как новенький! – Витька присел перед машиной. – Покрышки аж сопрели от старости! Вы что, на нём в Ледовом побоище, что ли, участвовали?

– Юноша, – наставительно сказал дед. – Как говорится в книгах, с вашей стороны несколько бестактно напоминать мне о моём возрасте.

– Извините, – покраснел Витька. – Оно само…

– Понимаю, – кивнул дед. – Молодость, беспечность… Я тоже был молод… когда-то… А на нём… – Дед положил руку на сиденье мопеда. – На нём я объехал всю

Европу! Быть в Париже и быть влюблённым…

Капитан вынул из зубов трубку и выбил её о руль. Витька огляделся – нет ли где ёмкостей с бензином, а то ведь как рванёт! Но ёмкостей не было. Старик заново забил трубку табаком, закурил.

– Вот как сейчас помню…

– Вы, конечно, извините, – вежливо перебил Генка. – Но ведь это настоящий хлам! Покрышки сгнили, камеры, конечно, тоже сгнили. Фара побита, переднее крыло погнуто, заднего вообще нет. Но это пустяки. Пружины на амортизаторах всмятку… Половины спиц на колёсах нет… бак помят… Рама вроде бы в порядке… хотя… движок…

Генка лёг на пол и заглянул под двигатель.

– Так и есть, трещина! – сказал он. – Здоровенная, палец пролезет!

– И руль погнут, – добавил Витька.

– А пробег? – Генка взглянул на спидометр. – Ого! Да вы на нём три раза вокруг света объехали!

– Ну, пусть и хлам. – Дед выпустил дымное кольцо. – Зато…

Он наклонился к баку и протёр эмблему рукавом своего кителя. Эмблема зазолотилась.

– Смотрите! – гордо произнёс Капитан. – Это же фирма!

– И в самом деле, – ответил поражённый Генка. – А я думал, их и не осталось уже…

Капитан дымил и любовался произведённым впечатлением.

– Да… – Витька потрогал эмблему. – Да… А я и не знал, что они мопеды делали…

– Это не мопед! – сказал дед. – Это антиквариат! Раритет! Произведение искусства! А то, что краска немного облупилась, так это что… Вы, я гляжу, ребята знающие. Вы его за неделю на колеса поставите! Правда ведь?

– Правда, – сказал погрустневший Генка.

– Сколько вы за него хотите? – спросил тоже погрустневший Витька, спросил почти шёпотом.

– Немного. – Хозяин погладил мопед по рулю. – Немного. Две тысячи.

– Две тысячи рублей за такую развалюху?! – возмутился Генка. – Да мы…

– Вы меня не поняли, молодые люди, – голос у Капитана вдруг стал тихий и вкрадчивый. – Вы не поняли… Я хочу за него две тысячи долларов.

Генка от неожиданности икнул. Витька скривился. Найти две тысячи рублей было можно. Найти две тысячи долларов было невозможно вообще. Даже если продать… А продавать-то было и нечего.

– Мы подумаем, – собрав остатки гордости, мужественным голосом сказал Генка. – Мы подумаем. Я лично не считаю, что машина стоит больше четырёхсот долларов. Но мы подумаем…

– Думайте, – улыбнулся в усы дед. – Только быстрее. На такую вещь много охотников найдётся. Вот в воскресенье возьму и отведу его на базар. С руками оторвут!

– Мы сообщим вам о принятом нами решении, – официальным тоном заявил Генка.

И они пошли домой. Пошли, опустив головы. Готовые расплакаться. И они дошли уже почти до самых ворот, как вдруг Капитан окликнул их:

– Эй, ребята!

Они остановились.

– Идите-ка сюда!

Они обернулись.

Старик стоял возле пристройки и смотрел в небо сквозь стеклянные рамы.

– Идите сюда. Ну? Я передумал.

Дед улыбался.

– Я вам его подарю!

Витька почувствовал, как под его ногами качнулась земля. Он посмотрел на Генку. Глаза у Генки были размером со стоваттные лампочки.

– Чудеса бывают, – прошептал Генка. – Чудеса бывают…

– Только у меня есть одно условие! – дед улыбался.

Глава 4

Как победить ржавчину…

Вы мне напомнили меня в молодости, – сказал дед. – Я был точно таким же… К тому же, ну уж если совсем честно говорить, мопед-то мне тоже достался даром. Не совсем даром, пришлось двенадцать вагонов бумаги разгрузить… Впрочем, ладно. Нечего вам время терять. Значит, так…

Они сидели за столом и ели арбуз. Арбузы тут тоже росли.

– Значит, так. Я отдам вам машину, но при одном условии.

Витька и Генка оторвались от арбуза.

– Вы мне поможете. Я собираюсь устроить в подвале маленькую гидропонную ферму[8 - Гидропонная ферма – ферма, где овощи выращиваются без почвы, в емкостях с водой или питательным раствором.]. А для этого нужны баки. Я тут по случаю прикупил десяток, только вот неприятность – заржавели они. Вы должны их почистить. Согласны?

– Конечно, – сразу же ответил Генка. – Мы согласны. Можем приступить прямо сейчас.

– Ага, – подтвердил Витька.

– Тогда пойдёмте. Баки на заднем дворе.

Баков оказалось несколько больше, чем говорил хозяин, не десяток.

– Да их двадцать штук! – быстро посчитал Генка.

– Все должны быть почищены за сегодняшний день. Если до вечера управитесь – мопед ваш. Не управитесь – увы. По рукам?

– Да тут на неделю работы… – протянул Витька.

– Смотрите сами. Наждак вон в том ящике. К вечеру управитесь – забирайте машину. По рукам?

Друзья переглянулись.

– По рукам! – сказал Генка. – Чего уж там…

– Вот и отлично! – Капитан откусил ещё арбуза и отправился в дом.

Витька с Генкой доели арбуз и отправились вооружаться наждачкой.

– Три-три – будет дырка, – сказал Генка и выбрал себе самый большой кусок наждака.

– Хороший наждак, – отметил Витька. – Смотри, на тряпичной основе сделан, крепкий. А сейчас на бумаге всё делают. У бабушки чистил печку, раз шоркнешь – можно выкидывать. А с тряпичной основой можно хоть час тереть…

– Так ты, старик, опытный, – хмыкнул Генка и указал на ближайшую бочку: – Дерзай!

Витька подошёл к ёмкости.

– Слушай, Ген, а почему наждак так называется, а? – спросил Витька.

– Это по-турецки камень. Нам рассказывали…

– Ясно. Странные какие-то бочки. – Витька пнул бочку, и она ответила гулом. – Прямоугольные…

– Это не бочки, а баки. Из-под пороха. На химзаводе снаряды заряжают, а порох вот в таких баках привозят. Старый, наверное, на заводе их купил.

– Плохо, что они квадратные. Круглые легче чистить. Сколько до темноты?

Генка взглянул на часы.

– Десять часов, – ответил он. – Десять часов и двадцать бочек. По часу на две бочки.

– По часу на бочку, – уточнил Витька. – Нас ведь двое. Управимся.

Витька зажал в руке наждачную бумагу и полез в первую бочку. Генка полез во вторую.

Чистить баки оказалось не так просто, как показалось поначалу. Баки были высокие и узкие, и, чтобы достать хотя бы до середины, приходилось нырять в

бочку до половины, так что ноги иногда болтались в пространстве. Но особенно мешала ржавчина. Счищенная со стенок, она превращалась в лёгкий порошок и совсем не собиралась оседать на дно, а болталась в воздухе и мешала дышать. Поэтому ребятам периодически приходилось из бочек выныривать и перехватывать кислорода, что чрезвычайно тормозило работу.

В очередное выныривание Генка вытряс из головы рыжую пыль и сказал:

– У меня идея. Сделаем противогазы.

Генка огляделся и сразу же нашёл возле забора нужную вещь – двухлитровую пластиковую бутылку.

– Пластиковая бутылка – самое гениальное изобретение человечества, – повторил Генка где-то слышанную фразу. – Из неё можно сделать практически всё – от крыши до ракеты для фейерверка.

После чего Генка достал из кармана другую гениальную вещь – универсальный перочинный швейцарский нож. Витька, конечно, подозревал, что нож не совсем швейцарский, а скорее китайский, но Генка всегда говорил, что нож настоящий. И имеет он на борту непосредственно нож, отвёртку, ножницы, пилку, открывашку, вилку, шило.

– Незаменимая штука! – Генка очередной раз покрасовался ножиком. – Выручит в любой ситуации. С ним можно хоть на Северный полюс. А если соединить две гениальные вещи…

Генка отрезал у бутылки горлышко, загнул острые края среза, затем прорезал в краях небольшие дырки. В дырки Генка продел бечёвку. Получилось что-то вроде маски. После этого он свинтил колпачок и поместил внутрь горлышка смоченный водой носовой платок.

– Противогаз готов. – Генка нацепил маску на лицо. – Респиратор[9 - Респиратор – приспособление с фильтрующей тканью для защиты от пыли.], вернее…

– Ты сейчас на свинью похож, – сказал Витька. – Сделай мне тоже.

Генка быстро сделал второй вариант, и Витька сразу же нацепил его. Они нырнули в бочки и продолжили работу. С респираторами было легче. Во всяком случае, дышать было легче. Но перерывы всё равно приходилось делать – затекали плечи. К тому же солнце, забравшееся к этому времени почти в самый зенит, припекало безжалостно. Баки раскалились. Через сорок минут работы Генка предложил отдохнуть.

– Пить хочется, – сказал он. – Жарко.

– Ты давай за водой сбегай, – предложил Витька. – К старому в дом. А я ещё почищу немного…

Генка побежал за водой, а Витька снова нырнул в бак.

Бегал Генка быстро и отсутствовал всего минуты две. Когда он вернулся с ковшиком воды, то обнаружил следующую картину – из бака, над которым трудился Витька, торчали лишь его ноги. Да и то по колено. Ноги крутились в разные стороны, их поведение указывало на то, что хозяин ног попал в затруднительную ситуацию. Генка подошёл к баку, постучал по нему и спросил, совсем как на уроках английского:

– Эврибади хоум?

Из бака ответили неразборчиво. Ноги в кедах задёргались сильнее. Генка заглянул в бак. Витька застрял капитально, сомнений не было, – он заполнил собой всё внутрибаковое пространство и слабо шевелился, стараясь облегчить свою участь.

– Сейчас, – сказал растерявшийся Генка. – Сейчас я помогу тебе. Дышать можешь?

Ноги утвердительно дёрнулись. Генка рванул за хозяином.

Старик спал на веранде. Он покачивался в цветном гамаке, закрыв глаза чёрной пиратской повязкой и не выпуская из зубов трубку. Сиеста была в самом разгаре.

– Дедушка, – Генка осторожно подёргал за рукав. – Дедушка, там Витька застрял.

Дед ответил сладким храпом.

– Дедушка! – потряс Генка настойчивее. – Там человек погибает!

Дед захрапел ещё громче.

– Витька там застрял! – уже крикнул Генка. – В бочке вашей! Коньки отбросит скоро…

Дед лягнул Генку ногой.

– Ах так… – Генка огляделся в поисках того, чем бы можно было нанести ответный удар.

Ничего подходящего под рукой не обнаруживалось. И тут Генка вдруг увидел, что он до сих пор сжимает в левой руке ковшик с водой.

– Ну, дедушка, сами напросились, – сказал Генка и опрокинул ковшик на Капитана.

Не весь, конечно, а так, половину. Генка был всё-таки гуманистом.

– Что?! – старик вывалился из своего гамака и вскочил на ноги. – Шум винтов по правому борту! Первый-четвёртый аппараты, товсь! Торпедная атака… А, ничего не вижу! Я ослеп во сне!

– Вы повязку снимите, – подсказал Генка. – И проснитесь для начала.

Дед снял повязку и помотал головой, выбивая из неё остатки снов.

– Тебе чего? – спросил он. – Нехорошо пугать старших.

– Я же вам говорю, – стал объяснять Генка, – там Витька застрял. Полез в бочку и застрял. Торчит вверх ногами…

– Вверх ногами – это хорошо, – сказал старик. – Вверх ногами – это не вперёд ногами… Хотя разница порой так неуловима… Идём!

Они вышли из дома во двор. Старик хмыкнул, пощупал Витькины ноги, оценил ситуацию и спросил у Генки:

– И что же, по-вашему, молодой человек, надо предпринять в подобной ситуации? В первую очередь?

– Вытащить, – сказал Генка. – Дёрнуть как следует.

Старик вздохнул.

– Сначала, молодой человек, надо привести вашего друга в горизонтальное положение. Он ведь всё-таки не Гагарин – болтаться вверх тормашками. Кровь к мозгу приливает, а у молодого человека мозг – самое слабое место…

И старик легко положил бак набок. Витька в баке благодарно застонал.

– А теперь что? – спросил Генка. – Спасателей надо вызывать!

– Я вижу три выхода из данной ситуации, – сказал дед. – Первый – путь Винни Пуха. То есть подождать, пока объект слегка похудеет. Но я думаю, что ни сам объект, ни его родители с подобной постановкой вопроса не будут согласны.

– Да уж… – Генка представил Витькиных родителей. – Да уж.

– Тогда есть второй вариант, испытанный. Надобно уменьшить трение между объектом и стенками сосуда. Проще говоря, надо полить его маслом.

Генка закивал.

– Ну и третий вариант, крайний. Надо выпиливать его оттуда.

Генка закивал отрицательно. Торчащие из бака ноги также выразили неодобрение идее выпиливания.

– Перед тем как приступить к третьему варианту, предлагаю использовать второй, – сказал дед. – Нормальные герои всегда… ищут альтернативные пути.

– Правильно, – согласился Генка. – Это вы верно придумали.

Дед сходил в дом и вернулся с бутылкой масла.

– Оливковое, – сказал он, разглядывая этикетку. – С острова Кипр. От сердца отрываю, самое лучшее.

Он поцеловал бутылку, снова поставил бак на дно и опрокинул бутылку внутрь. Витька замычал.

– Ничего, – утешил его Капитан. – В Древней Греции борцы всегда маслом натирались. И ничего.

Когда масло в бутылке кончилось, дед вновь уронил бочку набок.

– Надо его немножко покатать, – сказал он. – Чтобы маслом пропитался.

И они принялись катать бак.

Бак был прямоугольный, и катать его было тяжело. Генка налегал изо всех сил и думал, что если бы соседи увидели, чем они тут занимаются, то наверняка бы сообщили в милицию. Или в психушку. Старик в морской форме и мальчишка катают по двору прямоугольный бак, в котором зачем-то находится другой мальчишка. Бред.

– Хватит, – остановился старик через десять минут. – Я думаю, достаточно. Теперь надо как следует дернуть. Отойди-ка!

Дед схватил Витьку за ноги, ногами упёрся в края бака, напрягся и вытащил Витьку наружу.

– Вот! – сказал он удовлетворённо. – Триумф духа над мёртвой материей.

Генка не удержался и засмеялся – масло смешалось с железной пылью и выкрасило Витьку в красивый коричневый цвет.

– Ты, Витька, на негра стал похож, – хохотал Генка. – Можешь в кино теперь сниматься… у Жмуркина.

– Спасибо, – пробурчал Витька. – Мне и так хорошо.

И принялся соскабливать с себя ржавчину. Выглядел он слегка помято, но никаких особых повреждений видно не было. На лбу только шишка.

– Ладно, – зевнул старик. – Вы тут работайте, а я пойду, посплю немного. Сиеста, сами понимаете…

Он потянулся и отправился в дом.

– Удачный денёк, – сказал Витька. – Не каждый день так везёт – застрять в бочке.

– До вечера не успеем, – вздохнул Генка. – Сделали всего пять баков. А три часа прошло. Осталось пятнадцать. А если опять кто-нибудь застрянет? Надо подумать.

– А я все руки себе содрал. – Витька продемонстрировал Генке мозоли на пальцах. – Давай думай.

И Генка стал думать. Думал он так – сидел на бочке и складывал и раскладывал свой швейцарский нож, иногда строгал им палочку. Витька выжимал из рубашки масло и поглядывал на часы. На новую идею у Генки ушло двенадцать минут. Через двенадцать минут он вскочил.

– Жди, – сказал он. – Скоро вернусь.

И убежал. Витька повесил рубашку на какой-то куст и принялся дуть на пальцы.

Хорошо бы сейчас «чёртов палец»[10 - «Чертов палец» – древняя окаменелость в виде конуса. По народным поверьям, заживляет раны.] при себе иметь, размышлял Витька. Приложил бы к мозолям – и всё, готово, раны затянулись. Но «чёртов палец» взять было негде, приходилось довольствоваться народными средствами – подорожником. Витька прикладывал к мозолям подорожник и прикидывал, как попадёт ему дома за промасленную рубашку и измазанные в ржавчине брюки. От этих мыслей настроение ухудшалось, и Витька пытался подбодрить себя мыслями о будущем мотоцикле и всех с ним связанных приятностях.

Время тянулось медленно, Генки не было. Чтобы скоротать время, Витька взял кусок наждака и стал осторожно доскабливать тот коварный бак, в котором он застрял. На сей раз он не нырял в него глубоко, а работал поверху, не уходя в недра.

Генка вернулся почти через час. С собой он принёс старый кожаный портфель.

– Вот, – запыхавшийся Генка брякнул портфель на землю. – Теперь быстро пойдёт.

Генка отдышался и вытряхнул из портфеля здоровенную оранжевую дрель.

– Сверло… – протянул Витька.

– Это не сверло, а дрель, – поправил Генка. – То есть сверло с моторчиком.

– Ты что, засверлиться с горя решил? – усмехнулся Витька. – Есть более надежные способы.

– Смотри-ка лучше, – Генка вытащил из портфеля круглую железную щётку.

– Что это?

– Понимаешь, фазер мой калымит, – пояснил Генка, – ванны эмалью покрывает. А для того чтобы ванну новой эмалью покрыть, старую надо ободрать. Вот этой штукой и обдирают.

Генка взял дрель, приладил вместо сверла щётку и затянул ключом.

– А розетку ты где для дрели возьмёшь? – спросил Витька. – Электричество откуда брать? Опять дедукса будить?

– Дерёвня, – усмехнулся Генка. – Никакого дедули нам не надо. Тут всё припасено. Аккумулятор в ручке. Смотри.

Генка надавил на кнопку, дрель послушно вжикнула.

– Нормально, – сказал Витька. – Дай-ка мне!

Он перехватил дрель покрепче, натянул самодельный респиратор и направился к бакам.

– Погоди! – Генка достал из портфеля большие чёрные очки. – Возьми.

В очках и респираторе Витька был похож на лётчика-истребителя и выглядел героически.

– Засекай время! – Витька прыгнул в бочку.

Заработала дрель. Звук, доносившийся из бочки, весьма походил на звук работающей бормашины. Или как железом провести по стеклу. У Генки даже зубы немного заболели по старой памяти, и он стал челюсть массировать, так, в профилактических целях.

Витька дрыгал ногами и налегал на дрель. С баком он расправился за восемь минут.

– Вот так! – Витька стащил респиратор и передал дрель и очки Генке. – Теперь ты.

Генка поплевал на руки и полез в бак.

Спустя три часа с баками было покончено. Ребята принесли воды, промыли ёмкости и выстроили их в ряд, чтобы было удобнее проверять.

На веранде объявился хозяин. На груди у него красовался бинокль. Старик осмотрел в бинокль двор и спросил:

– Как дела, жестянщики?

– Готово! – ответил Генка. – Принимайте, дедушка, работу.

– Ну-ну, поглядим.

Дед спустился с веранды и направился к бакам.

– Вот, говорю, – Генка указал на баки. – Проверяйте. Всё в лучшем виде.

– Сейчас. – Дед одёрнул китель, поправил фуражку и натянул на руки белые перчатки. – Сейчас проверим…

Он подошёл к первому попавшемуся баку, засунул в него руку, провел пальцем по внутренней стороне.

– Однако. – Он предъявил палец ребятам.

Палец был грязный.

– Да вы что их, дедушка, в аптеку продавать будете? – спросил Генка.

– Чище не отчистить, – добавил Витька. – Хоть тресни.

Старик задумчиво изучал свой палец. Генка и Витька ждали, затаив дыхание. Дед всё не мог решиться. Он хмыкал, морщил лоб, двигал усами и грыз трубку.

– Ладно, – наконец сказал он. – Ладно. Уговор дороже денег. Забирайте.

– О-па! – Генка сделал сальто назад. – Сделали!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Кава» – «Кавасаки» – здесь: марка японского мотоцикла.

2

Грейдер – машина для разравнивания и перемещения грунта при ремонте дорог.

3

«Ямаха» – марка японского мотоцикла.

4

«КТМ» – марка австрийского мотоцикла.

5

«Хонда» – марка японского мотоцикла.

6

Пустельга – степной сокол. Характерная особенность – умение зависать над целью и резко маневрировать. Здесь: воздушный змей, точно воспроизводящий поведение живой пустельги.

7

Адвайзер кинозала – дежурный у входа в кинозал.

8

Гидропонная ферма – ферма, где овощи выращиваются без почвы, в емкостях с водой или питательным раствором.

9

Респиратор – приспособление с фильтрующей тканью для защиты от пыли.

10

«Чертов палец» – древняя окаменелость в виде конуса. По народным поверьям, заживляет раны.

Купить: https://tellnovel.com/verkin_eduard/pchela-ubiyca-gonki-na-motociklah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити